

84(2Рос=Рус)6

К М58

Дмитрий Мизгулин

ЗЕМЛЯ ДОРОГА

2(2/2-2093)02
8204

ОБЪЕКТ

ИЗ КНИГИ

Д. А. Мизгулин

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сборник стихотворений

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	обяза- тельный экз.
--	---------------------------

080573-

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	КО
--	----

Санкт-Петербург
1995

к 84(2Рос=Рч)6
М58

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий МИЗГУЛИН родился в 1961 г. в городе Мурманск. В 1984 г. окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. Вознесенского, в 1993 г. — заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. Начиная с 1980 г. его стихотворения публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках, издававшихся в Москве и Санкт-Петербурге, Минске и Баку, Мурманске и Владивостоке.

В 1992 г. в Санкт-Петербурге вышла книга стихов «Петербургская вьюга», в 1993 г. — книга рассказов «Три встречи». В новую книгу вошли стихотворения из сборников «Неоновое небо» и «География души», подготовленных автором к печати в 80-е годы, а также стихотворения последних лет, составившие раздел «Ноябрьская река».

ISBN 5-7462-0038-7

- © Д. А. Мизгулин, 1995 г.
- © Худ. оформление: С. Степанский, В. Гусаков, 1995 г.
- © Издательство «ТЕКС», 1995 г.

ИЗ КНИГИ
«ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ВЬЮГА»

Часть первая СНЕГ И ПЕПЕЛ

* * *

Нашей памяти долгий свет —
Как единственное наследство,
Как от поступи прошлых лет,
Никуда от нее не деться...

Все вместила моя душа
Без остатка и без возврата,
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...

За морозным, синим окном
Занялась, замела пороша.
С каждым часом и с каждым днем
Тяжелей, непосильней ноша...

Заметается ночь пургой,
И луна, потемнев, ослепла...
И кружатся во тьме глухой
Хлопья снега и хлопья пепла.

* * *

П. Кириченко

Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина, тишина.
Ох, шальная беда
Погуляла окрест:
Коммунисту — звезда,
Православному — крест.
Сколько бурь, сколько битв —
Стыли реки в крови.
Сколько страстных молитв
Да бессильной любви!
Угасали глаза!
И морщинились лбы,
И стекала слеза
В окоемы судьбы.
Чуть дымится во мгле
Мир загадочных звезд.
Только в этой земле
В человеческий рост
Всем достаточно мест,
Все равны навсегда:
Православному — крест,
Коммунисту — звезда.
Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина...

КИТЕЖ-ГРАД

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Над тобою сомкнулись воды,
И протяжные хороводы
Над тобою чайки кружат...
Где ты, где ты, мой Китеж-град?

А в полнеба — полночный свет
Звезд далеких, иных планет,
Неизведанных и нетленных.
Подо мною — вода и дно.
А потом опять все одно —
Бесконечная даль Вселенной.

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Я раздумьям своим не рад.
Лишь сомкну воспаленные веки —
Заклубив куполов пожар,
Опускаешься в светлояр,
Поднимаясь над миром навеки...

Но поднимутся ль из воды
Купола твои и сады,
Переполненные плодами?
Может не было их и нет?

Но струится лазурный свет
В небесах высоко над нами.

Все пройдет и развеется в прах.
Все сгорит на твоих кострах,
И неведомый миг настанет —
И окончится долгий плен,
И навязанных истин плен
В вечность канет...

А пока — на полнеба луна,
Да качает лодку волна,
Да уключина тихо скрипнет.
И кругом на сто верст — тишина.
И в молчании — леса стена,
Только птица ночная вскрикнет.

ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

Россия пьет запоем, тяжело,
Как женщина с надрывом, безнадежно,
С протяжным плачем, будто бы назло,
И, кажется, спасенье невозможно.

А сыну не понять, в конце концов,
За что Господь послал такую участь?
Он вспоминает матери лицо
И думает о ней, любя и мучаясь.

Но не она ль так чисто и светло
Глядит на нас с забытого портрета?
Прозрачный взгляд. Высокое чело.
Двадцатый век. Семнадцатое лето.

* * *

На Родине — как на вокзале —
Сумятица и суета.
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.
Здесь кто-то прибудет заране,
А кто-то — в последний вагон.
И кружится в сонном сознание
Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном пространстве
Лететь среди тусклых светил,
Чтоб ветер сомнений и странствий
Земную печаль возвратил,
Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось, пелось,
И даже не важно о ком.

Чтоб вновь обрести постоянство,
Чтоб вновь осязать наяву,
Как падают звезды в пространство,
Как яблоки — прямо в траву...

ПОЖАР В ЛЕСУ

Поезд мчится. Мой сосед
Чай лениво допивает.
Ехать нам — не ближний свет,
И от скуки он зевает.

Дело к ночи. Спать пора.
Поплотней задерни шторы.
Прекратим-ка до утра
Утомительные споры.

Кто-то будит... Посмотри,
Стены странно заалели,
Но далеко до зари.
Что случилось в самом деле?

Мы — к окну. А за окном
Пламя в мрачном танце пляшет.
Птица черная крылом
Над гнездом сожженным машет.

А сосед мой — чем помочь?
От окна к окну метался
В эту сумрачную ночь,
Только зрителем остался.

У тебя душа болит?
Ты зачем ее тревожишь?
Поезд едет. Лес горит.
И ничем тут не поможешь...

Стихи и проза

У тебя душа болит? Ты зачем ее тревожишь? Поезд едет. Лес горит. И ничем тут не поможешь...

А если в душе болит, то это не страшно. Это значит, что ты живешь. Это значит, что ты любишь. Это значит, что ты страдаешь. Это значит, что ты живешь.

Может быть, тебе больно. Может быть, тебе страшно. Может быть, тебе одиноко. Может быть, тебе грустно. Может быть, тебе больно.

Но это не страшно. Это не страшно. Это не страшно. Это не страшно. Это не страшно. Это не страшно. Это не страшно. Это не страшно.

НА ВЫСТАВКЕ РУССКОГО ПОРТРЕТА

По залам Русского музея
Бродить отправлюсь не спеша,
И замирает, холодея,
Моя тревожная душа...

Армяк или мундир дворянский,
Князя, вельможи, косари...
Но царский лик и лик крестьянский
Светился как бы изнутри.

Но все же замечаю в каждом
Какой-то тягостный недуг.
Как говорил поэт однажды:
«Предвосхищенье смертных мук...»

Остановившись у Рублева,
Очнусь от набежавших дум.
И вспомню вдруг, что слово в слово
Твердил мятежный Аввакум.

Он бичевал обычай скотский,
Твердил, что нет на тех креста,
Кто очень чувственно и плотско
Изображает лик Христа.

И пусть кругом все люди — братья,
Но только надобно понять,
Что все ж обычаи — не платье,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примираясь,
Утратим зрение и слух.
И растворяясь, истончаясь
Исчезнет вовсе русский дух...

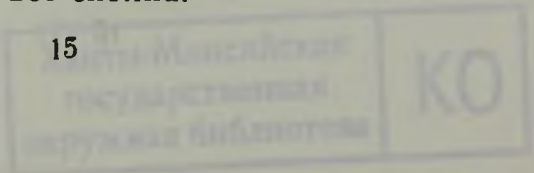
И долго нам кружиться, нищим,
Меняя веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозерского костра.

СУВОЁВ

Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года:
Ведь с ним сама императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.
И на ветру торчать без толку
С каким-то долговязым пажем,
К груди прижавши треуголку
С пропахшим порохом плюмажем.

Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!

Пока течет спокойно время,
Живет в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали все сполна.

Но им Россия — не Отчизна,
Для них не Родина она...

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.
И станет жалок и бессилён
Дурак в чванливости своей,
И позовет тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Ну а пока — пора иная.
Качает маленький возок.
Не спит, о чем-то вспоминая,
Продрогший до костей ездок.
Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег...
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ В ПАРИЖЕ

Минувшее явственно вижу,
Прошедшие годы не в счет.
И вот по ночному Парижу
Раскольников Федор идет.
Без паспорта въехал. Без визы.
Трубит «Фигаро», «Пари матч»:
Он бросил нешуточный вызов,
К вождю обратившись: «Палач!»

Ах память, ты русская память!
Оглянешься с мукой назад —
Кроваво-закатное знамя,
Туманно-ночной Петроград.

И будет спасение миру,
И счастье, и свет, а пока —
Не вы ли в ночные квартиры
Ломились с мандатом ЧК?

Не ты ли, Раскольников, рьяно
Великой идее служил?
Как демон полночный, с наганом
Во тьме предрассветной кружил?

- 080573 -

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

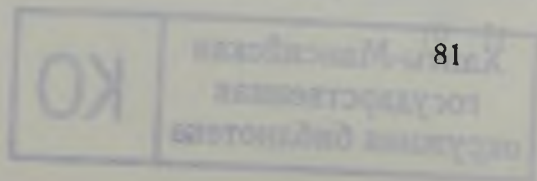
КО

Теперь спохватился — не слишком
Раздули всемирный пожар?
Во что же ты верил, братишка?
Куда ж ты нас вел, комиссар?..

Ах память, ты русская память!
Все вспомнишь в конце-то концов.
Тобой же раздутое пламя
Тебе же дохнуло в лицо.

Огнями ночного Парижа
Вся комната озарена,
А память все ближе и ближе,
И все беспощадней она.

И снится убитый царевич,
И кровью забрызганный лед.
И Бунин Иван Алексеич
Руки тебе не подает.

— 87248 —

ВСТРЕЧА

Судьба испытывает дважды,
И дважды ты ответ давал.
В Париже Вяземский однажды
Был зван на некий важный бал.

Соображаясь с политесом,
Стоял, как маршал на плацу...
И вдруг, о Господи, с Дантесом
Столкнулся он лицом к лицу.

Под сводами блистали свечи.
Дробился в хрустале огонь.
Дантес обрадовался встрече
И князю протянул ладонь.

О чем подумал князь? — не знаю.
Быть может, стал припоминать,
Как бедный Пушкин, умирая,
Шептал-просил морошки дать.

А за окном — дождливый вечер,
Парижских улиц мерный гул...
И Петр Андреевич навстречу,
Помедля, руку протянул.

А пары в танце мимо, мимо.
Бокалов пенных гулкий звон...
Не так уж трудно объяснима
Распавшаяся связь времен.

Мы духом вознеслись в победах,
Окрепли в горе и любви,
Но некого винить нам в бедах
И в смутах русских, и в крови...

Да, мы обречены на муку,
Нас презирают все вокруг —
Ведь твоего убийцы руку
Смущенно жмет твой старый друг.

**В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ,
У НАДГРОБИЯ СУМАРОКОВУ**

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь...
Я вхожу в ветшающий, в былинный,
Позабутый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит,
Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперед на всех порах!

Нет мгновений даже оглянуться.
Целый мир в туманной мгле исчез.

На ветру пустые ветви гнутся,
Покоился безымянный крест...

Сад воскреснет с новою весною,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пора уходящего лета.
В такие минуты, поверь,
Покажется солнцем согрета
Печаль невозвратных потерь.
Но нынче погоды иные,
И бабьего лета не жди.
В районах центральной России
Идут затяжные дожди.
В тумане промозглом деревня...
Как тихо на вечной земле!
Лишь только качают деревья
Ветвями в сиреновой мгле.
Ленивые струи стекают —
Тяжелая эта вода.
Уже не гудят, а вздыхают
Натруженные провода.
Три дня не выходишь из дому,
Часами сидишь у окна,
И одолевает истома
Дневного, тяжелого сна.
Но вот начинает смеркаться,
Уже не видать ни черта,
Как вдруг начинают казаться
Знакомыми эти места.

И чувство, знакомое очень,
Как будто когда-то с тобой...
Быть может, промозглая осень
С твоей пошутила судьбой?..
Не вспомнить. Не вспомнить. И память
В помощники ты не зови.
Ведь все это было не с нами,
Но в нашей осталось крови:
Забутые песни, дороги,
Заросшие лесом поля
И тяжесть осенней тревоги
Дождливых ночей сентября...
И вдруг пожалеешь впервые
О том, что уже позади...
В районах центральной России
Идут затяжные дожди.

* * *

Сказал пророк: «Жить не по лжи»,
Какая истина простая!
Но как сквозь лес пройти, скажи,
Листвы деревьев не задевая?

Изведать предстоит в пути
Забытых троп, дорог широких...
Но можно ль поле перейти,
Не задевая трав высоких?

Чеканно светятся слова,
Литые правила вменяя.
И чуть колышится листва,
Росу тяжелую роняя.

* * *

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было — быльем поросло,
И еще не распахано поле.

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно.
Вон, темнеют в ночи облака,
И тускнеют высокие звезды.

И змеится ковыльно былье,
Бездна мрачно зияет над нами...
И кружит, и кружит воронье
Над мерцающими куполами.

Как же ты видишь мне отраженья?
Как же ты видишь отраженья?
И жалею надвинулось
Чуждое время, чуждым выстать?
Как же ты видишь отраженья?
Как же ты видишь отраженья?
Как же ты видишь отраженья?
Как же ты видишь отраженья?
Как же ты видишь отраженья?
Как же ты видишь отраженья?

Освено вездь на олову
За окном ваток — жидь, тинь
И о сем когда ты вжидь, тинь
Низуэ это место — «Дниэ»

Колосня Тувинин Сироваля
Сымыт вездь в олову тинь
Здася вездь в олову тинь
И вездь в олову тинь

Здася вездь в олову тинь
Дом — без вездь в олову тинь
Но все таксе в олову тинь
Оставя в олову тинь

Вот вездь в олову тинь
И вездь в олову тинь
Тоскя вездь в олову тинь
Увездь в олову тинь

* * *

Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

И. Бунин

Осенью поеду на охоту.
За окном вагона — ночь, темно.
И о чем когда-то думал кто-то,
Именуя это место — «Дно»?

Холодно. Туманно. Сыровато.
Стынет воздух в синей тишине.
Здесь отрекся русский император,
И помчалось лихо по стране...

Здесь теперь, конечно, все иначе.
Дом — без крыши. Церковь — без креста.
Но все также птицы горько плачут,
Оставляя милые места.

Вот летят, летят нестройным клином
И курлычут горько журавли...
Господи, ужели нас не минет
Участь этой горестной земли?

Много есть похожего на свете,
Но судьба у каждого своя.
И осенний, однозвучный ветер
Все гудит-поет в стволы ружья.

Как же от беды нам уберечься?
Как же нам родных не растерять?
И ужели надобно отречься,
Чтоб из пепла праведным восстать?..

ПОСЛЕ ОХОТЫ

Лишь ветер рассеет тяжелую мглу,
Покинем лесное болото.
Светает. Устало идем по селу,
Была неудачной охота.
До дома десяток болотистых верст,
Идем тяжело и упрямо.
Минуя забытый, унылый погост,
На миг задержались у храма.
Когда-то он был и высок, и велик,
А нынче разграблен, разрушен.
И полуистлевший, евангельский лик
Смущает мятежные души...
Высокие липы надсадно скрипят,
Им вторят кусты осторожно,
А ветры в развалинах храма гудят
Неистово, грозно, тревожно.
В пустых колокольнях, в глазницах
пустых,
В остовах разрушенных храмов
Они завывают, как хор бесовских
Неведомых грозных смутьянов.
То зычно смеются, то хищно свистят,
То плачут, то грозно хохочут —
Они над Россией притихшей летят

И темное что-то пророчат.
И кажется, вторят и небо, и лес,
Волнуются тихие воды,
Как будто вселился неистовый бес
В спокойствие русской природы.
И душу охватит смятенье и страх,
А ветер поет и гуляет.
И вот уж в тяжелых ружейных стволах
Он песни свои завывает!
А небо подсвечено тусклой луной,
Что в озере сонном дробится...
И нет в поднебесье креста надо мной,
Чтоб смог бы я перекреститься...

РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдешь едва
Огнем нетронутого града.
А сколько раз была Москва
Сожженной в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Очнись от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Все мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльной дорогой.

• • •

В покинутом доме распахнуты двери,
Уныло скрипят одичавшие ставни,
Приходят без страха пугливые звери,
Хоть дом стороной обходили недавно.
Снуют деловито нахальные мыши,
Щебечут беспечно случайные птицы.
Уже прохудилась покатая крыша,
И окон сияют пустые глазницы.
И пусто. И тихо. И так одиноко,
Лишь только журавль пролетает высоко.
О чем ты, зачем ты поешь, соловей,
Кого ты обрадуешь песней своей?..

ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжелые плиты,
И проходы немислимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну, а рядом грохочет дорога,
Деловито и невозмутимо.
И забытые чертом и Богом
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томилаь в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

СМУТА

Умело замешана кем-то и споро, и круто,
Мятежно над Русью вздымается грозная смута.
Опять зашептались о Боге, о черте, о воле,
Опять не засеяно вовремя долгое поле.
Но брошено семя обиды, вины и позора,
И души наполнит мятежное пламя раздора.
Ни златом уже не сплотить, ни кнутом,
ни любовью,
Готовьтесь умыться слезами и потом, и кровью.
И вот захлебнулись от горя, тоски и от скуки,
И нищие грозно вздымают костлявые руки.
И звон колокольный. И плач
журавлиной тревоги.
И тесно крестам над погостами возле дороги,
И времени нет, чтоб к кресту
приложиться губами.
И ворон кружит над мерцающими куполами.
Рассветы багряны. И дымно-кровать закаты.
Опять замышляют поход на Москву супостаты.
Кровавый туман над притихшей Россией
клубится,
И Гришка Отрепьев уже ни черта не боится.

НА ПРОЩАЛЬНОМ БАНКЕТЕ

Кончено свидание с Россией,
Вы уже наездились сполна.
Пейте, ешьте, гости дорогие,
Хватит всем закуски и вина.

Вечереет. Скоро сядет солнце.
Станет в нашей комнате темно.
Посидим, поспорим, посмеемся,
А потом, как повелось давно,

Вы споете песни о далекой,
Солнечной и радостной земле,
И про то, как сокол ясноокий
Гордо реет в предрассветной мгле.

А за нашу песню не взыщите,
Что в ней — грусть, сердечная тоска?
Гости дорогие, не судите
Строго удалого ямщика.

Таает тракт в оснеженных просторах,
Тускло озаряемых луной...
Много песен на Руси веселых,
Только я не знаю ни одной.

* * *

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви черный силуэт,
А в небесах, под сводом мироздания,
Далеких звезд лампадный, тусклый свет.
И на сто верст — ни недруга, ни друга.
И на сто верст — глухая тишина.
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжелая луна.
И сколько мне еще в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

* * *

Время пришло собирать камни.
Кто даст ответ,
Что из них строить?
Храм ли воздвигнуть
Белоколонный
Или тюрьму понадежней?
Тот, кто изрек, что пора настала,
Так давно говорил об этом...
Сколько с тех пор разрушено храмов?
Сколько с тех пор построено тюрем?
И не тверди — только Богу известно...
Время прошло разбрасывать камни.
Время пришло собирать камни.
Только камней не осталось.

* * *

Посев взойдет на спашанной земле,
Дождем обильно политой и потом.
О, будь благословенною работа
Под знойным солнцем и в рассветной мгле.

О, будь благословенен вечный труд
На ниве, где заколосятся всходы
Добра, познаний светлых и свободы,
Которые потомки соберут.

Но где зерно случайно попадет
Или в песок, или во чисто поле,
Оно случайным злаком прорастет
Или умрет, томящимся в неволе.

Умрет или останется одно
Средь сорных трав взошедшее зерно.

* * *

Если б Иуда не сторговался,
Если б дороже просил за Христа,
Верно, другой бы апостол проданся,
Совесьть Иуды была бы чиста.
Стал бы Иуда великим святым,
Благообразным, честным, седым.
Он бы судил нас, строго взирая,
Властно звенел бы ключами от рая,
Если б не сторговался тогда...

* * *

Отара послушно бредет за своим пастухом,
Спокойно, лениво, не зная забот и тревоги.
А он, в полудреме, на ослике едет верхом
По только ему одному лишь известной дороге.

Отара не ведает страха, не знает беды.
Бараны бредут друг за другом лениво и сонно.
И тащатся вновь целый день от воды до воды,
И верят, что все это прочно, надежно, законно.

Ведь есть же пастух, что на ослике едет верхом.
Он умный. Он знает дороги и все водопой.
И стадо послушно бредет за своим пастухом,
Бредет, убаюкано знойным и сытым покоем.

И вечно бредут вслед за ним мимо гор, мимо
сел.
Но дремлет пастух, и бессильные свесились руки.
И тянет отару тупой, своенравный осел,
Не зная, куда и свернуть от назойливой скуки.

И вдали, где только есть,
Есть сердце и душа моя.

МЕРЦАЮЩИЕ ВОЛНЫ
Душа моя, душа моя,
Ты была со мной вдали.

* * *

Я искал взаимности у леса,
У полей, мерцающих белесо
В тусклом свете матовой луны,
У реки, спешащей суетливо
К тихой глади сонного залива,
У осенней гулкой тишины....
Но опять вела дорога к дому.
И причастность ко всему другому
Растворялась в молодой крови.
И в который раз меня прощали
Улицы надежды и печали,
Перекрестки счастья и любви...

Как над закатом, как над
Синим туманом, как над
Как над туманом, как над

Моя душа, моя душа,
В том же сердце, в том же сердце,
Синим туманом, как над
В том же сердце, в том же сердце

Синим туманом, как над
В том же сердце, в том же сердце

Часть вторая

МЕРЦАЮЩИЕ КУПОЛА

* * *

Как сговорившись, окна гаснут.
И вот уж город погружен
В спокойный, безмятежный, ясный,
Почти что детский, тихий сон.

Забуду о добре и зле,
О пустоте дневного вздора.
Смотрю, как в сумеречной мгле
Мерцают купола собора,

Как над застывшею листвою
Сиянье лунное разлито,
Как конь над сонною Невой
Вознес тяжелые копыта.

Мерцают тускло фонари.
В реке дрожат ночные звезды.
Еще есть время до зари,
И, может быть, еще не поздно

Связать оборванную нить,
Поднять распавшиеся звенья?

И начинать, как прежде, жить
Без гордости и сожаленья,

Без суеты и без подсказки
Дрожащих, тающих теней,
При свете совести и сказки,
В сиянье звезд и фонарей...

ПАМЯТНИК ПЕТРУ

Светаёт. Тихо. Город спит.
Лишь ветер дерева колышит.
А кажется, что конь хрипит,
А всадник видит все и слышит.

И, видно, нет ему покоя:
Как бы предчувствуя беду,
Сжимает властною рукою
Уже ослабшую узду.

Лежат тяжелые туманы,
Но с тех давно минувших дней
До сей поры шипит поганый
Коварный и отвратный змей...

МОЙКА, 18

Как в этом месте
Невский тесен —
Сужается перед мостом.
Увы, ничем не интересен
Отреставрированный дом.
Здесь очень шумно,
Очень бойко,
Здесь толчея и суета.
Здесь глухо шепчет речка Мойка,
И та, и вроде бы не та...
И дорожа секундой, часом,
Спешим, опережая тень...

Здесь Пушкин встретился с Данзасом
В январский несчастливый день.
А вскоре здесь,
На месте этом,
Читали скорбны и тихи
Стихи безвестного поэта,
Уже бессмертные стихи.
И ты, на месте стоя этом,
На два столетия оглянись —
Здесь судьбы двух больших поэтов
Таинственно пересеклись.
Бот здесь,
На две ступеньки ниже,
Где полустертый барельеф,
Где Мойка плещется чуть слышно,
Уже заметно обмелев...

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

Как морозно и ветрено в мире.
Все, наверно, давно решено.
У Рылеева в тесной квартире
Недопитым осталось вино...
Вы спешили на площадь с рассветом
Под штандарты мятежных полков.
Как на солнце горят эполеты,
Как тревожно мерцанье штыков!..

Нынче здесь ничего не напомним
О героях минувших времен...
А в ушах —
То ли звон колокольный,
То ль кандалный, овьюженный звон
Купол высится в отблесках мгlistы,
И проносится
Лет череда,
И на шпиле его серебристом
Одинокó мерцает звезда...
Век мятежный грядет и бесславный,
Лед на царственной тает реке,
И заснеженный всадник державный
Крепко повод сжимает в руке.

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наважденье
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И все почти известно мне...
На миг остановлюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли,
В какие именно года.

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему была видна Россия,
Была судьба ее видна...

ДАНЗАС

Катит скрипучая бричка,
Жаркий полуденный час.
И задремал по привычке
Старый полковник Данзас.

Счастья нет и в помине,
Нет ни детей, ни жены.
Тлеет, как угли в камине,
Позднее чувство вины...

Жизнь переменчива наша —
Счастье, разлука, беда...
Что же вы медлите, Саша? —
Крикнуть хотелось тогда...

Выстрел. Душа вострепелась,
Словно развеялся сон.
В стылое небо взметнулась
Черная стая ворон.

Помните лица и строчки,
Морщите мудрые лбы,
Но не просите отсрочки
У милосердной судьбы.

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло...

А. А. Бестужев

I

Балы, концерты, маскарады,
Блеск аксельбантов, эполет,
Ученья, смотры и парады,
И только ночью ты — поэт.
И к черту свет, пустой, манерный,
Слова вельможи-дурака...
Свеча роняет свет неверный,
И тень колышится слегка...
Но что перо?
Перо — не шпага!
А сколько сделать бы хотел!
В душе всегда жила отвага:
Поменьше слов — побольше дел!
Судьба. Отечество. Рылеев.
Непримиримый, честный взгляд.
Ужели жизни пожалеем?!
Кондратий, друг мой, как я рад...
И вновь — волнения, заботы,

Ночные встречи, шумный бал...
Постой же, маска, кто ты? Кто ты?
Тебя я прежде не встречал...
И вдоль Фонтанки мчит карета
В морозных бликах фонарей
Штаб-офицера и поэта
С ночной избранницей своей.
Лови последние мгновенья —
Туманный взор, покорность губ...
Но бьет минута пробужденья —
Призывает глас гвардейских труб.
Остудит сердце мрак январский.
Падет таинственный покров.
И будет гнев коварен царский,
А жребий — страшен и суров...

II

Друзья мои! Что с вами ныне?
Кого из вас судьба хранит?
Один томится на чужбине.
Другой — в тюрьме. А ты — убит!
Ах, Пушкин, Пушкин... Нет, не жалость —
Наш скорбный путь лежит во мгле.
Но неужели не осталось
Сердец достойных на земле?
И офицерам, и поэтам
Давно пора понять, друзья,
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.
Нельзя? Нельзя! Но Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам

Рожден для подвига и славы,
С душой, летящей к небесам?!
А дальше? Дальше будь что будет.
И пусть не будет ничего.
Потомок строгий не осудит
Сомнений сердца моего...

Белеет саван пенных кружев,
И вал за валом катит вал.
Опальный прапорщик Бестужев
В десанте без вести пропал.
Что в жизни скорбной и постылой
Решит последний спор с судьбой?
И ни креста, и ни могилы,
А только пенится прибой...
А в море зыбком, там, далеко,
Так неподкупно и светло
Белеет парус одиноко,
Как лебединое крыло...

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

И всюду — страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

А. С. Пушкин

Все слабее неоновый свет.
За оградой внезапно и странно
Возникает дворца силуэт,
Что сокрыт пеленою тумана,
Словно нечто такое тая,
Что открыться пред нами готово.
Замираю. И память моя
Воскрешает события былого...
Хан из Персии прибыл и жил
Во дворце. Многочисленной свитой
Не напрасно себя окружил,
Так как прибыл он с важным визитом.
Регулярно вершил он намаз
И гарем посещал до обеда.
Он привез драгоценный алмаз
За убийство посла Грибоеда.
Вот он едет к царю на прием,
Но монарх не серчает на хана.
И был принят подарок царем,
И обласкан посланец Ирана...

Не обмолвились словом ему
Об убийстве поэта России.
О, когда б удалось и кому
Переписывать судьбы людские!
Но иной доверяясь судьбе,
Как же страшно, наверное, все же
Встретить гроб на скрипучей арбе
Под изодранной, пыльной рогожей.

Не обманывайся словом ему
Осудите поэта Пушкина
О, когда б удались в горы
Перемешать судьбы людские
На иной допрыгать высоте,
Как же страшно, как же жутко
Встретить троп на скрученной нити
Под небрежною рукой поэта

* * *

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течет...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идет.

Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна все-таки без дна.
Может все же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.

Не минуют темные напасти —
Бьет судьба, как будто, наобум.
Есть расчет в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.

И пойдя, предугадай попробуй,
Где и чья прольется завтра кровь
В миг, когда соседствует со злобой
Доброта и вечная любовь.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,

В миг, когда вот-вот поймешь загадки
Русской удивительной судьбы.
Все так просто и необъяснимо,
И попробуй догадайся сам...
Дым табачный вьется мимо, мимо,
Через фортку — прямо к небесам...

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ САДУ

Брожу я по аллеям не спеша,
И легкой грустью полнится душа...
Какая толчея и суета,
И лебедей не видно у моста.
Нет гордых птиц! Зато со всех сторон
Слетелись стаи черные ворон.
Смотрю, как ворон в небесах повис,
Как, замирая, зорко смотрит вниз,
Как мрачно тень тяжелого крыла
На купол позолоченный легла.

НОЧЮ В ГОСТЯХ

Только в комнате выключу свет,
Как останусь один в этом мире,
И подумаю вдруг — сколько лет
Этой старой, забытой квартире?
Кто в стенах этих жил, кто тужил
По несбывшейся светлой надежде?
Кто рублем золотым дорожил
В этом доме глухом на Разъезжей?
Здесь бродил Достоевский не раз,
Пушкин к Дельвигу ехал под вечер,
Чернышевский в полуночный час
Шел, ссутуля высокие плечи...
И какая теперь тишина
И безликость ночными часами...
Лишь мерцают в ночи имена,
Что хранит нестареющий камень.
Станет страшно в зловещей тиши
На мгновенье, всего на мгновенье!
Память камня — не память души —
Не распались бы вечные звенья,
Чтобы в эту зловещую щель
Не врывался беспамятства ветер...
Скрипнет плохо прикрытая дверь.
Дрогнут блики фонарного света.

И распахнутой книги страница
Шевельнется, и дрогнет рука,
И, едва заскрипит половица,
Заколышутся тени слегка...
Я не сплю. Я лежу не дыша.
Кто полуночью сумрачной бродит?
Может, грешная чья-то душа
Что-то ищет, да все не находит...

* * *

Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей,
Где белесое марево потом пропахло и дымом,
Стал заброшен, как сад. Стал теперь он
 как будто ничей
В каждодневном своем убывании неуловимом.

Стали уже проспекты. И улицы стали тесней.
Стали ниже дома. И приземстей стали соборы.
Обветшали дворцы. Стали белые ночи тускней,
И оград кружева превратились в простые
 заборы.

Этот город — как мы, в бестолковой своей
 суете,
В маете, толчее, в несуразных и глупых
 стремленьях,
В каждом вздохе отчаянном, в каждой случайной
 черте
Повторяет собою последние два поколения.

Не ищу виноватых. Да я и не вправе искать,
Что слова... Что мои сокровенные думы...
Но и права, извечного русского права прощать
Я лишен навсегда этой ночью слепой и угрюмой...

Сколько надо любви, чтобы город из пепла
восстал,
Чтобы вновь замерцали кресты и высокие звезды.
Но пугает в ночи чей-то хищный и грозный оскал,
И змеей проскользает холодное, горькое:
«Поздно...»

И тяжелые волны забьются в слепом кураже,
И свинцовые тучи сокроют рассветные дали.
Но ведь теплится что-то, ведь что-то мерцает
в душе,
И покуда еще у нас этого не отобрали...

И еще — этот бронзовый ангел с тяжелым
крестом
Осеняет перстом купола, проржавевшие крыши;
И задумчиво ветер поет — что же будет потом?..
Я-то знаю о чем, но уж лучше бы это не слышать.

* * *

Сошла с небес полночная звезда
И засверкала на высоком шпиле,
Которым крест в тридцатые года
На куполе собора заменили.
И верили, иначе и нельзя,
Как только рушить все до основания...
Струится нынче лунный свет, скользя,
Окутывая улицы и зданья...
Не будем вспоминать давнишний спор,
Что потерял давно свое значенье.
Смотри, стоит увенчанный собор,
Окутанный таинственным свеченьем...
И до заветной не достать рукой,
Не отменить, не наложить запрета,
И льется свет серебряной рекой,
И нам уже глаза слепит от света.

* * *

Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.
Один несу свою беду —
Наверно, это так и надо.

Наверно, так тому и быть,
Но как порою трудно это —
Не балансировать, а жить
На шатком стыке тьмы и света.

Не в разобщенности беда,
Не в том, что мы забыли Бога.
Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?

По саду Летнему бреду,
В морозном инее ограда.
Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.

* * *

Не витийствуй, не пророчь,
Не тверди, что все понятно.
Вслушайся, как шепчет ночь
Осторожно и невнятно.

И попробуй, разбери
Хоть единственное слово —
Только вспыхнут фонари,
Тут же вдруг погаснут снова.

Беспорядочных огней
Бестолковое мерцанье.
Меркнут блики фонарей,
Тише ночи трепетанье.

Спорим, спорим дотемна,
Что есть главное в искусстве:
Может, поиски ума,
Или, как там, пламень чувства?

Я наслушался сполна
Про забвение и славу.
Светит полная луна,
Круглолица и лукава.

И дрожащий лунный след
На столе засеребрится.
Озаряет ровный свет,
Озаряет равный свет
Наши молодые лица...

* * *

Трамвай летит над гулками мостами,
И стынет звон в морозной тишине.
И вот сейчас расстанемся мы с вами:
Вам — надо на Конюшенной, а мне

Еще кружить по улицам. По гулкам,
Где чуть дымят ночные фонари,
Заснеженным, пустынным переулкам,
Что будут безымянны до зари.

Продрогну в опустевшем вдруг вагоне,
Вздремну едва, и вот в конце концов
Я выйду на пустынном перегоне
И вспомню ваше смуглое лицо...

Бреду тропой заснеженною к дому.
Мерцает одинокая звезда.
И кажется, что были мы знакомы
И только что расстались навсегда...

* * *

Развели над Невою мосты.
Переулки повсюду пусты.

Где-то вдрогнул последний трамвай,
Словно горя хватил через край.

Погремел, прозвенел, простучал
И во тьме непроглядной пропал.

Долго светится чье-то окно,
И кому-то не спится давно.
Но мелькнул на стене силуэт —
И погас утешающий свет.

Только ночь.
Только дождь.
Только тишь.
Только гулко стекает с крыш.

Только тускло горят фонари,
Словно отблески ранней зари.

* * *

Страдай, страдай, душа моя,
Пусть мы не властны над судьбою —
Неотвратимость бытия
Пока не властна над тобою.
Как птица, раненная влет,
Над заповедными долами
Лети, спасение мое,
С окровавленными крылами...

* * *

Осенью похолодало
И зачастили дожди.
Если письмо запоздало,
Почту винить обожди.
Утром вздохнешь ты устало,
Первому снегу не рад.
Если письмо запоздало,
Может быть, сам виноват?

* * *

Уезжаю не навсегда,
Но с тобой прощаюсь навечно.
Обниму тебя, как тогда,
В первый раз, за детские плечи.

В морозящем дожде вокзал.
Ты стоишь. Ты не прячешь взгляда...
Веришь, все бы тебе отдал.
Да тебе ничего не надо.

* * *

Прощаясь наспех, навсегда
В столпотворении разлук,
Ты не забудешь никогда
Ее по-детски тонких рук.

Пройдет печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут желтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность — это вздор.
Ты прав, конечно, все пройдет.
Но все же, где горел костер —
Трава годами не растет...

* * *

Наступила пора прощаний,
Наступила пора прощений,
Неисполненных обещаний,
Неудавшихся воскрешений.

Неизвестно, какие утраты
Нам еще предстоят в пути.
Даже если ты виновата,
Все равно говорю: «Прости...»

* * *

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.
А ветры в желтеющем поле
С утра затаили псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели.
О птицах, что к югу летят...

* * *

За окном — ноябрьский дождь и ночь,
Фонарей и звезд мерцает путь.
Только б эту осень перемочь,
До зимы бы только дотянуть.

Грянет ночью сумрачной мороз.
Мягко лягут первые снега.
И среди заснеженных берез
Зазвенит веселая пурга.

И забьется сердце не спеша.
Мягко снег кружится, не спешит.
И ледком затянется душа.
И снежком ее припорошит.

ЗИМА

А за окнами — снег и тишь.
И на тысячи верст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Одеваюсь в сених не спеша,
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.

Тихо кружится голова.
Мыслей катится снежный ком.
А сосед мой колет дрова,
Звонко тенькает топором.

Он-то ведает, что к чему,
И на все имеет ответ.
— Будь здоров, — говорю ему.
— Будь здоров, — отвечает сосед.

Вон запутался в проводах
Белой вьюги блестящий след —
Третьи сутки сидим впотьмах,
Ждем, когда же подключат свет.

Третий вечер сижу во мгле.
Отгудели дрова в печи,
И чуть теплится на стекле
И дрожит огонек свечи.

Сигареты струится дым,
И лиловый пепел застыл.
Я когда-то был молодым,
Я когда-то тебя любил.

Ветер что-то запел в трубе,
Улетая в ночную тьму.
Написать бы письмо тебе,
Да, наверное, ни к чему...

Ни к чему золу ворошить,
Прогорела уже дотла.
И заслонку пора закрыть —
Сохранить хоть немного тепла.

Завтра снова печь затоплю.
Мыслей снежный растает ком.
А собаку себе не куплю:
Слишком много хлопот со щенком.

А за окнами — снег да тишь.
И на тысячу верст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

СНЕГОПАД

Снег падает.
Мерцанье фонарей
С сияньем лунным неразрывно слито.
Струится воздух к мрачным небесам.
Во всем искать
Какой-то тайный смысл
Не только бесполезно, но и глупо.
И стоит ли об этом говорить?
Год вычеркнут из жизни, как строка
Из неудачного стихотворенья.
И стоит ли об этом сожалеть?
Нет радости и горя,
Только снег
Летит, кружась в неоновом тумане,
В морозной мгле застывших фонарей...

* * *

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, Боже мой.
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветет мой опустелый сад,
Только вот в душе моей — ни звука.
Как-то вдруг неожиданно, невпопад
Вспомнится недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный, терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма,
Долгой ночи влажное дыханье
И нагая, сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие — я и ты.
Все так просто. Сердце бьется мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти равномерной?

Ни прощать не вправе, ни винить.
Но чем дальше время — боль сильнее.
Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить труднее.

Ну а нынче — все звенит весной.
Что природе наши мысли, муки?..
Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной разлуки.

* * *

Как хорошо, что я один.
Что ночь кругом. Что мне не спится.
Что через кружево гардин
Зеленый лунный свет струится.

Мотыль ударился в стекло.
И почему-то, сам не знаю,
О наших встречах так светло,
Без прежней боли вспоминаю.

А в небе — Дева и Весы.
И пес, уснув, тревожно дышит.
И на весь мир стучат часы,
Да только их никто не слышит.

* * *

Встанешь утром рано —
В мире тишина.
В пелене тумана
Тусклая луна
Скоро неприметно
Скроется сама.
В дымке предрассветной
Замерли дома,
Каждое мгновенье —
Капелька тепла.
Призрачной сомненья
И прозрачной мгла,
Если б бесконечно
Длился этот миг!
Но ничто не вечно...
И меня настиг,
Закружил немного
Призрачный обман —
Из дождя ночного
Сотканный туман:
В нем двоится странно
Тусклая луна.
Встанешь утром рано —
В мире тишина...

ВСТРЕЧА

В толпе торопливых прохожих
Увижу тебя, оглянусь.
И душу наполнит тревожно
Щемящая, давняя грусть...

Мерцает твой облик и тает
В заснеженных сумерках дней.
Не память нам изменяет,
А мы изменяем ей.

* * *

С годами начинаешь гордиться тем,
Чему ранее не придавал никакого
значения:

Потрепанной книжкой
С автографом известного автора,
Давнишней детской дружбой
С нынешним героем труда,
Областной газетой
Десятилетней давности
С упоминанием о тебе
В числе прочих
В когда-то нашумевшей статье,
Малозначительным этюдом,
Никому не известным,
Который, однако, принадлежит кисти
Большого художника,
И даже серебряной медалью
Городского первенства,
Которую ранее считал
Самой обидной неудачей
В своей спортивной карьере...

СОЖАЛЕНИЕ

Однажды вдруг с горечью осознаешь,
Что чего-то тебе уже никогда не достичь,
Чему-то уже никогда не научиться,
Что из великого множества дорог,
Лежавших перед тобой когда-то,
Некоторые остались далеко позади
И тебе уже никогда по ним не проехать.
Я уже никогда не научусь рисовать
Или, скажем, играть на скрипке,
Никогда не стану летчиком,
Ни капитаном дальнего плавания.
И хотя многое еще впереди,
Становится обидно, что, выходя на перекресток,
Приходится выбирать одну дорогу,
Когда бы хотелось пройти тремя...
Вдобавок ко всему мне теперь мешает спать
Шум деревьев, которых я так и не посадил...

* * *

Мне говорят, что я слишком рационален.
Возможно. Однако не более,
Чем Ганс Христиан Андерсен,
Который, выезжая куда-либо,
Среди прочих
Совершенно необходимых ему вещей
Непрерменно складывал в саквояж
Длинную веревку,
Чтобы в случае пожара в гостинице
Благополучно выбраться из окна.

* * *

Наши мечты и надежды
Всегда напоминали мне одежду:
В детстве мы быстро вырастали из нее,
И уже через год нам покупали
Новые ботинки, рубашки.
В юности
Нам хотелось одеваться модно и красиво,
Так, чтобы всегда нравиться окружающим,
Особенно девушкам и экзаменаторам.
А потом мы стали носить
Один и тот же темно-синий
Импортный шерстяной костюм.
И всегда, при удобном случае,
Напоминали:
«Ему уже девять лет,
А он по-прежнему как новый...»

* * *

Опять кого-то воскрешают.
Но говорят уже — он был...
И, здравицы провозглашая,
Среди белеющих могил
Поставят памятник гранитный,
И будут долго повторять:
Что, мол, талантливый и видный,
Что больно нам таких терять,
Что высших почестей достоин,
Любим и чтим... О Боже мой!
Что мог бы написать покойный,
Когда бы знал, кто он такой?!

* * *

А мертвым, знаешь, все равно,
Что мрамор, что гранит,
И поминальное вино
Их души не бодрит.

А мертвым, знаешь, все равно,
Теперь им наплевать
На телевизор и кино,
На книги и печать...

Хоть каркай ворон, хоть молчи,
Но лишь себя не тешь —
В огромном небе, средь ночи,
Не зазияет брешь.

Ведь память до тех пор жива,
Покуда жив народ,
Пока народная молва
В людских сердцах живет.

* * *

Дай Бог тебе сильных врагов.
Которые злы и умны,
И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.

Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути.
Какого-нибудь дурака.

* * *

А все-таки спеши, спеши,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!
Когда молчания печать
Твои уста сомкнет навечно,
Ему — звенеть, ему — звучать
То дерзновенно, то беспечно.
Но, покорясь своей судьбе,
Не ожидай вознагражденья:
Нет ни спасения тебе,
Ни состраданья, ни прощенья.
Сомнений чашу ты испил
И не тверди молитв упрямо.
Ведь все равно не хватит сил
Изгнать торгующих из храма.

* * *

Вновь устав от жизни бестолковой,
Покидаю шумный Петроград —
Мир мой тополиный и кленовый,
Мой вишнево-яблоневый сад...

Поднимаюсь по крутым ступеням,
А вокруг такая тишина,
И таким таинственным свеченьем
Комната моя озарена.

Я вздохну немного виновато,
Но уже теперь, на склоне дня,
Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Подойду к окну — еще не поздно;
Сонный мир объемлет тишина.
Тихо зреют яблоки и звезды,
На ветвях качается луна.

Ничего теперь уже не надо...
Тихо шепчет влажная листва,
И плывут во мгле ночного сада
Русские, печальные слова...

* * *

Снова меняются роли
Жизни дневной и ночной:
Звезд васильковое поле,
Месяц, как колос ржаной.

Где-то вдали отзвучали
Поезда сотни колес,
И на пустынном вокзале
Тихий уснул тепловоз.

В масле горячем и пыли,
Теплый, как хлеб из печи.
Фары, погаснув, застыли,
Тускло мерцая в ночи.

Мирно полночное небо,
Сон, тишина и покой,
В воздухе пахнет хлебом,
Тестом и теплой мукой.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предраассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает.
И золотые блески там и тут,
И светится лиственный изумруд.
Еще не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

* * *

Когда едва-едва светает,
Чуть задымив, светлеет мгла.
И понемногу остывает
Костра полночного зола.

Июль, июль — макушка лета!
Еще земля тепло хранит,
Но после этого рассвета
Уже короче станут дни.

Но нет и тени увяданья!
Уже светлеют небеса,
И вместе с птичьей песней ранней
Над поймой зазвенит коса.

И чаек раздадутся крики,
И в хороводе так легки
Закружат золотые блики
На волнах утренней реки.

Ну а пока во мгле туманной
Встречаю раннюю зарю.
Стою во мгле, как гость незванный,
И ничего не говорю.

* * *

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.

И пахнет так резко и странно
От свежей, промерзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.

И есть еще время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода,

* * *

Сухая и теплая осень.
Последние дни октября.
Сквозь кроны подоблачных сосен,
Дымясь, проступает заря.

Туманное небо высоко,
Но холодом веет уже.
Как тихо. И как одиноко
В осеннем лесу, на душе.

Рябины тяжелые кисти
Мерцают в рассветном чаду.
И падают желтые листья —
Последние в этом году.

* * *

Миновала пора листопада.
Потускнела небес синева.
Только вишня все ждет снегопада,
Тяжелеет, тускнея, листва.

Не кричат суетливо синицы.
Лужи скованы искристым льдом.
И туман серебристый струится
Над еще не застывшим прудом.

* * *

Птицы стремятся к теплу.
И на решетке оконной
Сидя, прижмутся к стеклу
Тихо и замороженно.

Их не пугают теперь
Света дрожащие блики,
Громко скрипящая дверь
И разговоры, и вскрики...

Страшен мороз, полумгла,
Ветер, что воет и злится.
Хочется света, тепла
И человеку, и птице.

* * *

Привычный путь до отчего порога.
Сложилось так, не знаю почему,
Куда бы ни вела меня дорога,
Я возвращался к дому своему.
К той улице привычной и обычной,
Где тополя чуть слышно шелестят,
Где пьяницы печальные привычно
С утра за пивом в очередь стоят.
И где ветхозаветные старухи
Судачат вечерами под окном,
И где стучит назойливо и глухо
По радио суровый метроном.
Где все уже давным-давно известно,
Где все уже исчерпано до дна,
Где слышится одна и та же песня
Из каждого раскрытого окна.
Где в полутьме устало, неизбежно
Опять гремят ночные поезда,
Где светит, как последняя надежда,
Моя неугасимая звезда.

ГЕОГРАФИЯ ДУШИ

КАДРЫ КИНОХРОНИКИ

Пленных немцев ведут по столице,
Офицеров ведут и солдат.
Я смотрю в их застывшие лица,
Вижу каждый затравленный взгляд.
Исподлобья глядят осторожно
И не ведают, что впереди...
Рядом — мать молодая тревожно
Прижимает ребенка к груди,
Мальчик смотрит светло и серьезно
На притихший и солнечный мир,
И пытается выглядеть грозно
Улыбающийся конвоир.

1988

* * *

Нелегко быть с эпохой на «ты».
В наше время намного труднее.
Вдруг замру у тревожной черты,
У заросшей травой траншеи...

В небесах, над моей головой
Облака проплывают, беспечны,
Зарастают траншеи травой,
Но, как шрамы, останутся вечны,

Но, как старые раны, болит
Наша память, и если взглядеться —
Лист осинный кровью облит,
И куда нам от этого деться...

1986

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Вот не думал, что жизнь забросит меня
В те края, где был дедовский дом...
Притулившись к березе,
Сижу у огня.
Ночь.
Спокойно и тихо кругом.

Жаль, что не был ни разу
На отчей земле.
Надо мною в глубинах небес
Необжитые звезды
Мерцают во мгле,
Озаряя загадочно лес.

Нас манила вселенная.
Тайны ее
Мы стремились постичь, разгадать,
А Земля?
Мы забыли совсем про нее,
Разучились ее понимать...

Сохранить бы и земли и воды ее,
Все, что раньше не уберегли,

Чтоб земля не теряла обличье свое,
Чтобы мы не теряли земли.
Чтобы помнили все, что забыто подчас, —
И преданья родной старины,
И степенной старухи
Печальный рассказ
О сынах, не пришедших с войны.

Чтобы все отразилось
В глубинах души —
Опрокинутый купол небес,
Городок, что затерян в российской
глуши,
И шумящий загадочно лес...

Чтоб ничто не истлело,
Чтоб память жила,
Чтобы крепла в мятежной душе...
Все прозрачней становится
Серая мгла,
Понемногу светлеет уже,

И ночные светила,
Тускнея, дрожат,
Отражаясь в озерной воде...
И тяжелые росы
На травах лежат,
В каждой капле росы —
По звезде.

1984

КАМНИ

Там, где история Русской земли
Преподавала уроки,
Лишь вековые камни смогли
Выдержать долгие сроки.

И оседают года и века
Пылью на камень могильный.
Память людская, увы, коротка,
Память гранита — бессильна...

Вечную мудрость будут хранить
Камни в суровой печали...
Если бы только могли говорить,
То все равно бы молчали.

1983

**ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ О ПОБЕГЕ НАПОЛЕОНА
С О. СВ. ЕЛЕНЫ**

Мог бежать Наполеон
С острова Святой Елены,
Если пожелал бы он
Избавления от плена.

Вот блистательный обман!
Вновь с судьбой играем в жмурки —
Вот он, вот он хитрый план
Спрятан в шахматной фигурке!

Словом, почему нельзя?
Были штормы и туманы,
Были верные друзья,
Были деньги, были планы,

Не скрипели бы в ночи
Часовых продажных глотки,
Были тайные ключи,
Были лестницы и лодки...

Но куда бежать! Бог мой!
О несовершенство мира!

Сотворен уже иной
Образ мрачного кумира.

Не вернуть былого. Нет.
Даже если возвратиться.
Тусклый долгий лунный свет
В волнах пенистых дробится.

Равнодушен океан.
И ворчит прибой невнятно.
И вздохнув, блестящий план
Положил кумир обратно...

1985

* * *

Крадучись вползает в дом беда.
Скрипнет дверь. Очнешься на рассвете —
Так сложилось, видно, что всегда
Ты один, за все один в ответе.

И опять — никто не виноват.
Да и что чужой виной искупишь?
Ни тюрьма. Ни золото наград
Не спасет погибнувшие души.

И закон един — живому жить,
Не меняя сути до могилы...
Лишь одно спасение — простить,
Да на это не хватает силы.

1987

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Парадная лестница старого дома
До каждой щербатой ступеньки знакома.
И стоит лишь в окна немые
Вглядеться,
Как вспомнится сразу
Далекое детство...

От невского берега
Веет прохладой.
Шумят тополя
Поседевшего сада.
Трезвонят трамваи,
Как прежде бывало,
Вздыхают
И снова в дорогу устало...

Я знаю, что в прошлое не возвратиться.
Но пух тополиный, как прежде, кружится,
И что-то припомнить я все же пытаюсь,
И я возвращаюсь, и я возвращаюсь

В тот мир, что навечно в душе берегу,
Где я ничего объяснить не могу,

Где я ничего еще не понимаю,
А только, внимаю, а только внимаю...

И я возвращаюсь туда постепенно.
С трудом поднимаюсь по старым ступеням.
Щербатые стены...
Покатые крыши...
Все выше и выше,
Все выше и выше...

1985

ЦИРК МОЕГО ДЕТСТВА

Как прекрасно все было вокруг!
И соседей счастливые лица,
И арены сверкающий круг,
Где ученые звери и птицы!

О таинственные миражи!
Но как был преисполнен отваги
Тот факир, поглощавший ножи
И стальные, блестящие шпаги...

Лишь взмахнет рукавами факир,
Птицы вдруг вылетали оттуда,
И был этот загадочный мир
Воплощением света и чуда.

Но решив показать, что и как,
Чтобы публика вновь не скучнела,
Он раскрыл свои тайны, да так
Откровенно, искусно, умело,

Что восторг преисполнил сердца
Всех сидящих в восторженном зале,
Ведь такого, признаться, конца
Они, в общем-то, не ожидали.

Ну, а мне бы не видеть того.
Подступила вдруг к горлу обида.
Я крепился, твердил: «Ничего...»,
Не подав ни малейшего вида.

С затаенной обидой в душе
Я домой возвращался оттуда,
С той поры и доньше уже
Не живу предвкушением чуда.

Догорая, мерцают огни,
И тускнеют лазурные краски...
Миновали прекрасные дни,
Где я жил ожиданием сказки.

1985

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ПЛАСТИНКЕ

Пластинке заигранной было,
Наверное, лет тридцать пять,
И было ей грустно, уныло
Средь ярких конвертов лежать.

Когда-то и ей не давали
Ни дня отдохнуть в тишине,
И хором, смеясь, подпевали
Той песне о прошлой весне.

Давно уже умерли люди,
Что первыми въехали в дом,
Не знали, что внуки их будут
Смеяться и петь о другом...

А нынче хозяин устало
Копался в серванте, как вдруг
Со звоном пластинка упала,
Скользнувши из дрогнувших рук.

И жалобно так зазвенела
У новой беды на краю,
Как будто сердешная пела
Последнюю песню свою...

1984

БАЛЛАДА О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СЕТКЕ

Походкой немного нетвердой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его,
Теперь уж на улицах редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Все было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших, сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но все-таки как-то дружней...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краев,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево ее...

1984

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

Смотрю, как мальчишка со скрипкой
Сутулясь идет впереди,
С какой-то счастливой улыбкой
Футляр прижимая к груди.

Кто — джинсы, кто — пиво, кто — лыжи.
А кто-то — совсем ничего.
Ему же лишь музыка ближе
И, может, нужнее всего.

И, может быть, необходимо,
Чтоб кто-то, про все позабыв,
Наигрывал неуловимый,
Еще не окрепший мотив,

Чтоб тайная музыка зрела,
Отринув мятущийся страх...
Чтоб скрипка звучала, звенела
В еще не окрепших руках.

1985

* * *

Поэт воспитан был войной,
Суровым ротным старшиной,
Он честен был и смел.
Он первые стихи слагал
В окопах. И в стихах не лгал,
Поскольку не умел.

А если он и был не прав,
Не хватит совести и прав
У нас его судить.
Он никогда не клял судьбу.
А вот теперь — лежит в гробу,
А нам с тобою — жить...

Не мельтеши, не суетись.
Ты лучше у него учись,
У совести его.
Своей судьбой строку измерь,
Есть жизнь и смерть.
Есть жизнь и смерть,
А больше — ничего...

Давным давно понять пора,
Что жизнь — не праздник, не игра,
Не пестрый маскарад,

Что мы не зрители в кино,
Что юность кончилась давно,
Что нет пути назад.

1984

* * *

Был ли Фет евреем или немцем,
Стоит разве спор вести о том?
Он был русским и умом, и сердцем.
Вот и все. А обо всем другом
Стоит ли твердить, писать трактаты,
Вспоминать давнишние грехи?..
Я забуду времена и даты,
Я читаю старые стихи...
И летят куда-то мимо, мимо
Попусту потраченные дни,
И горят во тьме неугасимо
Вечные вечерние огни,
И лазурь такая с неба льется,
Что застыну, грешный, не дыша,
И внезапно чутко встрепенется
До сих пор дремавшая душа...

1985

В БОЛЬНИЦЕ

Светает рано. Тишина.
И мне, лежащему в постели,
Мир из больничного окна
Иным казался, в самом деле...

Ведь ты, доверившись врачам,
Уже в другом соизмеренье,
Тебя тревожат по ночам
Глухие шорохи и тени.

Грачей озябнувших галдеж
Бог весть чем кажется спросонья,
А все так просто, как чертеж
Ветвей нагих на синем фоне.

И вот очерчены уже
Все устремленья и желанья,
И смысл загадочный в душе
Уже на грани пониманья.

И осязаема тщета
Своим незримым постоянством,
И различимее черта
Меж бранным миром и пространством...

Когда, в беспамятстве дрожа,
Забилось сердце онемело,
Когда казалось, что душа
Уже вот-вот оставит тело...

1985

ВЗГЛЯД

Ты все спешишь куда-то суетясь,
Боясь прослыть обычным и банальным,
И навсегда утрачиваешь связь
Меж вымышленным миром и реальным,

И чаще вспоминаешь невпопад
Тот день и час, на время позабытый,
Тот женский, тихий, удивленный взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...

О том, что этот беспредельный миг
В душе твоей навечно и незримо
Теперь лишь, много лет спустя, постиг,
Ну а тогда привычно — мимо, мимо...

И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни —
И встретишься с единственной судьбою.

1985

* * *

Ночью в город приходит весна.
Спят канала свинцовые воды,
Но, очнувшись от долгого сна,
Пробуждаются силы природы.

Тает снег. И светлей вечера.
Суетятся веселые птицы.
У случайных прохожих вчера
Просветлели усталые лица.

Отчего же, скажи мне, друг мой,
В эти дни голубого апреля
Я теряю последний покой,
Становлюсь нетерпимей и злее?

Отчего же, скажи, иногда
Больно так от веселья чужого?
Отчего же внезапно тогда
Так бессильны и чувство, и слово?

Но когда заслоняют уже
Все на свете лихие печали,
Тихо музыка в стылой душе
Прозвучит, как в покинутом зале...

Остальное — не все ли равно?
Остального — не вижу, не слышу...
Опускаюсь на самое дно,
Поднимаюсь все выше и выше...

1986

* * *

Растаяли давно
Мгновенья встреч.
Но все же я одно
Сумел сберечь —

И сам тому не рад,
Судьбу кляня,
Храню в душе твой взгляд.
А он — меня...

1984

* * *

Хотелось любви и тепла.
Надежды и верного друга.
И жизнь незаметно вошла
В границы житейского круга.

Без радости и без тоски
Потянутся сроки лениво.
Как воды осенней реки,
Спокойно и неторопливо.

Но в час, когда тают снега,
И птицы потянутся с Юга,
Почувствуешь, как нелегка
Такая дорога без друга.

Но пуст твой построенный дом.
Но ты доживи до рассвета,
Но ты дотерпи, а потом
Настанет привычное лето,

И жизнь войдет не спеша
В спокойное, тихое русло.
А в час, когда дремлет душа,
Возможно ль высокое чувство?

1985

* * *

Есть нечто меньше, чем любовь;
Но нечто больше, чем усталость,
Когда считаешь вновь и вновь,
Как мало дней тебе осталось.

Неразрешимостью томим,
Воспринимаешь все иначе,
И одиночеством своим
Не удручен, но озадачен...

Когда темнеют небеса,
Но различимые детали,
Когда знакомые глаза
Полны надежды и печали.

1986

* * *

В ночь перед Рождеством
Звезды, тускнея, тают,
И фонари мерцают
В ночь перед Рождеством,
В ночь перед Рождеством
Улицы опустели.
Окна заиндевели
В ночь перед Рождеством,
В ночь перед Рождеством
Снега выпало много,
И унялась тревога
В ночь перед Рождеством,
В ночь перед Рождеством
Время неторопливо,
Хочется стать счастливым
В ночь перед Рождеством.

1989

«ГОТИЧЕСКИЙ АВГУСТ»

ПИСЬМО

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибоя.
И фонаря на пол-окна
Мерцанье бледно-голубое.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной, пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твое лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далеко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и безопасно:

Ничто не вечно под Луной,
Да и Луна сама не вечна.

Все встанет на свои места...
Как просто все, но слишком поздно.
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звезды...

Пишу — все будет хорошо,
А все давным-давно прошло.

1985

САКСОФОН

Ресторан. Полумрак.
Музыка тихо звучит.
Тихо всхлипывает саксофон,
Что-то бормочет он еле слышно,
Словно сквозь слезы...
Публика занята делом.
Что ей до музыки этой?
Похоти похоть жаждет. И похоть
Миром правит и суд вершит.
Тело нагое мерцает в одеждах,
Словно вино в запотевшем бокале.
Музыка тихо струится. Бормочет
Что-то, вздыхая, саксофон.
Все вспоминает о скрипке. Но скрипка
Разве нужна в этот тусклый вечер?
Музыка нынче в сердцах иная —
Ритмы в такт телодвижений,
Музыка тихо струится и тает,
Дымом табачным неуловимо
К тускло мерцающей люстре возносится...

1986

* * *

Сентябрь. Дождь. Мерцание залива.
Звнящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.
И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.
А было ли? А было ли? Едва ли...
А будет ли? — Не будет никогда.
Но все же вспоминаешь почему-то
Звнящий лес, пустующий причал.
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

1986

Что начат давно этот долгий безжалостный счет,
Что все минуло, минуло уже безвозвратно.
Как сто лет назад Даугава к заливу течет,
И кто бы сумел повернуть эти воды обратно.

1984

* * *

В тот день я из Риги домой уезжал.
Вот плавно качнулся и дрогнул вокзал,
И крыши, и острые шпили.
И тронулся тихо купейный вагон.
И небо, и тихий пустынный перрон
В минувшее тихо поплыли.

Мой город! Готических улиц твоих
Читаю на память таинственный стих
И думаю, что не случайно
Тот месяц навечно остался в душе
И будет теперь неизменно уже
Печалью овеян и тайной.

Печалью и тайной, и радостью встреч,
Которые все же сумеет сберечь
Моя неизбывная память.
Я так благодарен за это тебе,
Я так благодарен за это судьбе —
За все, что свершилось меж нами...

И мчится сквозь время купейный вагон,
И словно на гребнях притихнувших волн
Его осторожно качает.

Мелькают, тускнея, в ночи фонари,
И звезды, в преддверии ранней зари,
В тумане таинственном тают.

1985

* * *

Остынет стакан
Золотистого чая.
Под гомон колесный
Меня укачает.
Закрою глаза
И заснуть попытаюсь,
Но снова, но снова
Туда возвращаюсь.
Туда, где шумит
Утомленное море,
Где парус растаял
В туманном просторе,
Где кем-то забыты
Рыбацкие сети,
Где листья уносит
Таинственный ветер
И гонит их долго,
Смеясь и куражась,
По гулкому пляжу,
Осеннему пляжу...
Где мной не дочитаны
Умные книги,
Где гулки кварталы
Готической Риги,
Где ты ускользаешь

Уже безвозвратно.
И все это просто,
И так непонятно.
И я забываю,
Что должен кому-то.
Я счастлив безмерно,
Что хоть на минуту,
На миг озарилось
Случайной кометой
Беззвездное небо
Минувшего лета...

1984

«ПРАЖСКИЕ КОЛОКОЛА»

В СОБОРЕ СВ. ВИТА.

Туристы случайные ходят,
Смеясь, удивляясь, блажа,
И смотрят Кирилл и Мефодий
С таинственного витража.
В костелах и кирхах столицы
Их помнят, их любят и чтят...
Строги и суровы их лица,
Тревожен их пристальный взгляд...

О Прага! Я был очарован
Величием древним твоим,
Наверно, когда-нибудь снова
Пройдусь по твоим мостовым,
Где башни и острые шпили
Восторженно тянутся ввысь,

Где архитектурные стили
Затейливо переплелись...
И все же, и все же донныне
Здесь, в сердце Европы, смогли
Сберечь для потомков святыни
Великой славянской земли,
Во время духовного плена
Сумели, сумели сберечь
В суровых готических стенах
Живую славянскую речь!

1983

* * *

Что мне запомнилось в Праге —
Так это колокола.
Утром, когда еще не рассвело,
Слышался звон их,
Гулко звенели они,
Переливались звуки их
Серебристо-хрустальные,
Словно утреннее небо,
Темно-зеленые,
Словно листва бульваров,
Оранжево-красные,
Как черепичные крыши после дождя...
Пражские колокола
Музыка лета минувшего,
Странной любви,
Встречи последней с тобой
У остановки трамвая,
Где рельсы
Тускло мерцают
В неоновой мгле...

1983

ТУРГЕНЕВ НА ВОДАХ

Как мил и тих курортный город.
Какой покой и тишина.
А на душе — какой-то холод,
Не то печаль, не то — вина...

Недуг сердечный. Не телесный.
И тут бессильны доктора...
Мерцает тускло свод небесный
Над храмом Павла и Петра,

И там, в бездонном, синем небе
Плывут, курлычут журавли...
И пахнет поздним теплым хлебом
Давно покинутой земли...

Мой Бог! Какие к черту воды,
Когда встает из забвения
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея...

1985

«ЗВЕЗДА АПШЕРОНА»

* * *

Та женщина жила неподалеку
От старого дворца бакинских ханов;
А в комнате был низкий потолок,
И окна выходили прямо в небо
И в море, что мерцало на рассвете,
И горизонт светился бирюзою.
И воробьи еще в пыли купались;
И корабли качались у причала;
И властно возвышались минареты;
И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность...
А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рождением...
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зеленою водою...

1985

СУХОЕ ДЕРЕВО

ПРИТЧА

Оно других переживет —
Что, в самом деле, с ним случится?
На нем листва не зацветет,
На ветви не присядут птицы.
Не тяготят его плоды,
Болезни долгие не мучат,
Не надо солнца и воды,
И ветер не страшит колючий.
Ни боли нет, ни счастья нет —
Вот долголетия секрет.

1985

ДОРОГА

Дорога, ведущая в гору,
Порою в ущелье петляет,
Спускается вниз по склону,
Тропинкой становится узкой
Дорога, ведущая в гору...
Но тот, кто идет по дороге,
В ущелье петляя,
Спускаясь
По скользкому склону тропинкой,
Пусть помнит о том,
Что вершина сверкает снегами:
То ярко —
В лучах ослепительных солнца,
То тускло —
В полуночном свете
Высокой и полной луны.

1985

* * *

Посмотришь вниз с крутой вершины —
Плывут лениво облака.
Внизу раскинулись долины
И потускневшие луга.

Там дымкой зной струится плавно,
Там в зыбком мареве простор,
Там в желтой пелене тумана
Застыли силуэты гор...

Но высотой небес влекомый
Забуду про пейзаж земной:
Иное чувство невесомо
Отныне управляет мной.

Здесь, на вершине, горный ветер
Высокомерен и сердит,
Кружась один на белом свете,
Любую душу охладит.

1986

ПОСЛЕ ЗАСУХИ

Обмелел от жары водоем —
Обнажилось песчаное дно.
Тянет остро созревшим гнильем.
Все живое пожухло давно.

Только черная грязь да песок.
Только вязкая глина да ил.
А недавно в тех водах, высок,
Светлый месяц державно светил.

И плескалась в затоне вода,
И сверкала ночная звезда...

1986

* * *

После ливней зеленеют склоны
И уступы каменных гор.
Стало ослепительно зеленым
Все, что серым было до сих пор.

Вдоль ущелья тянется дорога,
Все прозрачней утренняя мгла.
Людам тоже надобно немного
Доброты, надежды и тепла.

1985

* * *

Туман лежит на дне долины.
Взошла тяжелая луна.
Застыли горные вершины
Во власти тягостного сна.

Былые, грозные века...
Они теперь им только снятся...
На них не сходят облака,
На них снега не серебрятся...

Но, как остатки прежней славы,
На солнцем выжженной земле
Застыли волны пенной лавы,
Мерцая в сумеречной мгле...

1985

* * *

Имея пять рублей, могу
В пролетке пыльной, антикварной
По тихим улочкам Баку
Продолжить путь. И благодарный
Возница будет говорить
О том о сем... Мелькают спицы,
И будем вечно мы кружить
По улицам ночной столицы...

О, сколько здесь таится тем!
Я перед бездной их немею...
А город будет между тем
Привычной жизнью жить своею.

Привычной, если не сказать,
Обычной или же банальной,
Там будет музыка звучать
Из темноты полуподвальной,

Там будут вечно торговать
И пить вино, и веселиться,
Луна из волн морских всплывать,
И солнце за море садиться.

И дураков давнишний спор
Повергнет мудреца в зевоту,

И будет этой ночью вор
Вершить привычную работу...

Уже — попробуй отличи,
Мелькают тени, люди, зданья,
Безмолвно высятся в ночи
Дворцов немые очертанья...

И стариковская рука
Невольно опускает вожжи,
И предо мной встают века,
Минуя ветхие таможни —

Забыты даты, имена,
Цари, вельможи — все забыто.
И лишь немые письма
Хранят тускнеющие плиты.

О, вязь таинственная плит!
Ведь эти надписи, быть может,
Навечно камень сохранит,
Да их никто прочесть не сможет...

И как неколебимый герб,
Как символ вечного Востока
Застыл на небе лунный серп
Недосягаемо высоко...

И тихо плещется волна,
И ночь бесстрастная темна.

1985

ИНДИЙСКОЕ КИНО

Мне довелось, не так уж и давно,
Устав от споров о Жан Поле Сартре,
Сидеть, смотреть индийское кино
В каком-то небольшом кинотеатре...

Сюжет закручен так, что наш герой,
Или герои, любят и страдают,
Случается, что все они порой
Уже по краю пропасти шагают.

Везет же тем, которые живут
Нечестно, недостойно, глупо, жадно,
Но час пробьет — наступит высший суд,
И их судьба карает беспощадно.

И настает счастливая пора —
И вот сентиментальная развязка,
Благословенно царствие добра —
Счастливая, врачующая сказка...

А зритель — нет, он вовсе не простак,
Когда смеется, негодует, плачет...
Уж он-то знает: в жизни все не так,
А даже, может быть, совсем иначе...

1985

ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЫ

Многие из нас, живя вдали от родины,
Могут чувствовать себя чужими,
Скучно, одиноко, и порой
В душе встает вопрос: а где же я?

Скучно, одиноко,
И порой встает вопрос:
А где же я?

Многие из нас,
Живя вдали от родины,
Могут чувствовать себя чужими,
Скучно, одиноко, и порой
В душе встает вопрос: а где же я?

Многие из нас, живя вдали от родины,
Могут чувствовать себя чужими,
Скучно, одиноко, и порой
В душе встает вопрос: а где же я?

Многие из нас, живя вдали от родины,
Могут чувствовать себя чужими,
Скучно, одиноко, и порой
В душе встает вопрос: а где же я?

1987

Адам Глобус
(с белорусского)

БЫК

Дюжие бычьи рога
Солнце тяжелое держат.
Красные воды река
Катит. И глуше, чем прежде,
Песня подводных камней,
Ветер горячий качает
Рыжие волны полей,
День отошел, догорает
Пепел сгоревшего дня,
Сумерки, шелест дубравы,
Тусклые блики огня,
Росы упали на травы...
Голову бык наклонил —
Солнце в траву уронил.

Адам Глобус
(с белорусского)

ДОРОГА

Зеленое жгучее солнце высоко
Над полем червонной гречихи стоит.
Лежит в бесконечность дорога. И только
Фургон одинокий надрывно скрипит.
Вот стадо пасется. Баран круторогий
Овечек пугливых своих стережет,
Грохочет фургон по камням дороги,
А рядом, ссутулившись, кучер идет.
Кивнул пастуху он и дальше шагает,
И даже коня он не остановил,
Пастух молчаливый устало вздыхает,
А грохот колес над дорогой поплыл...

До жали, до боли, до смерти дорога,
До солнца зеленого и молодого.

Владимир Степан
(с белорусского)

БРАТУ

Плывет синеватый дым
В туманной дали и близко
Над садом притихше-чужим
Под небом молочно-низким...
Плывет, задевая крыши,
Деревья бинтует во мгле,
Полынь еле слышно колышит
И жметя к сырой земле...
Сад, одинокий, как остров,
Тускло мерцает огонь.
Дым, смолистый и острый,
Не согревает ладонь.

Коран Кошев
(с алтайского)

ЛЕБЕДИ МОИ...

Над вершинами мудрых, заснеженных гор,
С облаками ведя утомительный спор
Днем и ночью, без устали, сотни веков,
Обгоняя стремительный ход облаков
Над страстями, над судьбами тысяч людей
В небе — пара алтайских летит лебедей.
В неустанном труде их четыре крыла,
Их стезя над судьбою земли пролегла...
Под ветрами угрюмо качался ковыль,
Рассыпались светила в алмазную пыль,
И, устав, отставали орлы. А вперед
Только лебеди свой продолжали полет.

Помнят лебеди ханский высокий шатер,
Что над степью объятья свои распростер,
Помнят ханское золото и серебро,
Все нажитое ханом бесчестно добро,
Никогда не забыть лебедям, никогда,
Как кочевники в путь уводили стада,
Помнят песни кочевников, что до сих пор
Раздаются в ущельях заснеженных гор,

Рассыпается в прах вековечный гранит,
Но кочевный народ память предков хранит...
Замедляли времен утомительный ход
Руки женские, что отправляли в полет
Этих двух лебедей, нашей памяти птиц,
Пусть же ханы почтительно падают ниц,
Их давно поглотил безымянный песок,
А полет лебедей и велик, и высок,
В их неустанном труде их четыре крыла,
Их стезя над судьбою земли пролегла,
Нет для них ни времен, ни державных границ,
Наша песня — высокий полет этих птиц...

Средь бессмертных творений великих людей
В Эрмитаже увидел своих лебедей,
В неустанном труде их четыре крыла,
Их дорога в Россию теперь привела...
Приютить вас хотели бы Лондон и Рим,
Дорожил бы и Лувр достояньем таким,
Но тогда бы навек прекратился полет
Над веками, прошедшими гулко, вперед,
А теперь вы летите опять и опять,
Сохраняя свою белокрылую стать,
Здесь — ваш дом, а не сытый, да жалкий приют,
Ложь, что лебеди только раз в жизни поют!
У моих лебедей — песен семь, не одна!
Слышит их вся великая наша страна...

В песне первой воспета судьба мастериц,
Что в далекий полет отправляли тех птиц,
Песь вторая — о жизни кочевных племен,
Та, что помнят в Алтае с далеких времен,
Третья песнь — о вершинах заснеженных гор,

Что веками ведут меж собой разговор,
Ну а в песне четвертой поется о том,
Как народ мой сберег свой отеческий дом,
В пятой песне — о том, как прекрасен полет
Вместе с Солнцем, над Новым Алтаем, вперед,
Песнь шестая о том, чтобы люди смогли
Сохранить все богатства великой земли,
А седьмая о том, что кочевный народ,
Сохранив свой когда-то угаснувший род,
Стал со всеми в единой, великой семье
Всех народов, живущих на древней земле.
Эти песни вовек, мой народ, не забудь!
Пусть они укажут твой праведный путь,
Эти песни — как семь лучезарных светил,
Свет их нашу судьбу на века озарил...

Над вершинами мудрых, заснеженных гор,
С облаками ведя утомительный спор
Днем и ночью, без усталости, тридцать веков,
Обгоняя стремительный ход облаков,
Над страстями, над судьбами тысяч людей
В небе — пара алтайских летит лебедей,
В неустанном труде их четыре крыла,
Их стезя над судьбою земли пролегла,
Под ветрами угрюмо качался ковыль,
Рассыпались светила в алмазную пыль,
И, устав, отставали орлы. А вперед
Только лебеди свой продолжали полет...

Октябрина Воронова
(с саамского)

ОСЕНЬ

Ничего не бывает бессмертным и вечным на
свете.

Только высятся в нашей округе зеленые сосны.
К солнцу тянутся сосны неведомо сколько
столетий,

И жара нипочем им, и холод, и шалые весны...

Было время — в округе звенели и песни,
и речи,

Нет теперь здесь становища —
Только одно пепелище...

Только сосны растут,

Расправляя высокие плечи,

И холодные ветры злоеще и сумрачно свищут.

И осенние ветры в душе поднимают тревогу,
И я слышу ночами, как сосны могучие стонут,
Видно, снова настала пора собираться в дорогу,
Возвратиться к могилам забытым и к отчому
дому...

ИЗ КНИГИ
«НЕОНОВОЕ НЕБО»

Содержание

№ 11

«НЕОХОТОВЕ ДИВО»

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

* * *

И споры продолжаются,
И мнения не сходятся —
Поэтами рождаются?
А может быть, становятся?

Не все мечты сбываются...
Не все дороги сходятся...
Поэтами рождаются,
Но не всегда становятся.

1980

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Чего только не помнил он
И все бы мог нам рассказать,
Но только вот один пижон
Не уставал перебивать:

— Об этом, дорогой, потом...
Ну что ж, ей-Богу, вы опять?
Вы вспоминаете о том,
О чем не стоит вспоминать...

1980

* * *

Мы помним тех, кого забыть должны,
Похоронив под ворохом печали,
Но в глупые, несбыточные сны
Они входить еще не перестали.

Вороны не боятся ноября,
А журавли курлычут: «Улетаем...»
Мы помним тех, кого забыть пора,
Кого же помнить надо — забываем...

1980

* * *

Деревья седеют, как люди,
Ах, ветер их лето унес,
И стали вдруг желтыми кудри
Взлохмаченных ночью берез.

Забудутся скоро морозы,
Мазурку сыграет капель,
Зеленые кудри березы
Со смехом расчешет апрель,

И все повторится по кругу,
Движенью не будет конца,
А вот поседевшему другу
Стереть ли морщины с лица?..

1980

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ

Одни задирают высоко голову потому,
Что хотят рассмотреть звезды.
Другие — потому, что привыкли на всех
и на все

Смотреть свысока.
Как порой трудно различить
Первых и последних...

1982

А знаешь что, Сережа,
Мы оба были правы,
Ну, может, вспомнишь все же
Ту ночь у переправы,

И тот паром нескорый,
И старенький вокзал,
И поезд, на который
Ты чуть не опоздал...

Забыл? Да быть не может!
Последний разговор...
Ты первый же, Сережа,
Тогда затеял спор!

Плечами пожимает,
Смеется мне в ответ,
И головой качает —
Прошло же столько лет!

Как будто летом — иней
На хрупкие цветы...
Нет ничего обидней
Забытой правоты.

1980

НЕЯДОВИТАЯ ЗМЕЯ

Ползет змея. И с виду безобидна.
Ползет, едва шурша сухой травой,
И в той траве ее совсем не видно —
Лишь изредка сверкает чешуей...

Ползет змея, от глаз людских сокрыта,
И замер я, дыханье затая, —
Пусть говорят — она неядовита,
Но я боюсь — ведь все-таки змея...

1982

* * *

Три друга было у меня,
Надолго мы расстались,
Но, неразлучные друзья,
Опять мы повстречались.

Один хотел казаться хуже,
Он больше, чем другие, пил
И о своей душевной стуже
Едва не плача говорил.

Второй солиден стал на вид,
Как во дворце лепной карниз,
Хоть рядом за столом сидит,
На всех он смотрит сверху вниз.

Лишь третий, к радости моей,
Остался также неизменен —
В обыкновенности своей
Был просто необыкновенен.

1980

* * *

Внешних признаков волнения
Никогда не проявлял.
Говорил всегда: «Терпенье —
Мой девиз и идеал».

Говорил: «Ну что добьешься?
Ничего не изменить,
Только сам и разшибешься,
Стену лбом не прошибить».

Но однажды не сдержался,
Бледен стал, как будто мел,
Стукнул по столу, взорвался,
Проклял пошлый свой удел.

Но напрасны все старанья,
Ни на ком не дрогнул волос,
Потому что от молчанья
Потерял он громкий голос.

1980

ОПТИМИСТ

Повесил подкову над дверью.
Пусть счастье она принесет,
Наверно, правдиво поверье,
Должно быть, примета не врет.

Но все обернулось иначе,
А впрочем, наверно, всегда —
Так редко бывают удачи,
Так часто бывает беда.

Чем круче судьбы поворот,
Тем пояс затягивал туже,
И верил: «А все же везет»,
И думал: «Могло быть и хуже».

1980

ВДОХНОВЕНИЕ

Шум на кухне — звон посуды,
Где-то прогремел трамвай,
Бабы суды-пересуды
За окном — хоть закрывай!
Черт возьми! Нельзя ли тише?
Как работать? Как писать?
Кто там бегаёт по крыше?!
Прекратите грохотать!
Что за дьявольское лето!
Шум и крики за окном,
И лишь в полночь, до рассвета,
Затихает старый дом.
Я вздыхаю облегченно —
В этой чуткой тишине
Поработать увлеченно
Помешают вряд ли мне.
Ерунды писать не буду!
Ночь застыла за окном...

Я пишу про звон посуды,
Про трамвай, про старый дом...

1980

* * *

Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего.

Кому-то в сотый раз поверив,
Кого-то в сотый раз простив,
Я открываю тихо двери,
О разрешенье не спросив,

А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

1980

* * *

Привели к нам в класс мальчишку,
И он всех нас удивил.
Африку знал не по книжкам:
Сам три года в ней прожил.

Он, смотря подолгу в небо,
Как-то радостно вздыхал...
И кусок ржаного хлеба
Вечно в пиджаке таскал...

1980

* * *

Вода в Неве — чернее сажи,
Склонившиеся фонари
Стоят как будто бы на страже
Порывов первых волн зари.

Вода в Неве — чернее сажи,
А небо синее — без звезд,
Неона свет — бледнее слез,
Пролитых кем-то над пропажей.

1979

* * *

То ли ранняя весна,
То ли осень поздняя,
Снег повис на ветвях
Белыми гроздьями,

Солнца блики на стене,
На дворе — слякоть.
Поздно радоваться мне,
Рано плакать.

1980

* * *

Потянуло холодком
Из пустого сада,
Под искрящимся ледком
Черная ограда.

Вижу — журавли летят,
Слышу крик печальный.
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

1979

30

* * *

Заголубли льдины,
Повеяло теплом,
И солнце на смотрины
Явилось в каждый дом.

Светило солнце ярко,
Шаги звучали гулко,
И людям стало жарко
В пространстве переулка.

1980

* * *

Недовольно гаснут фонари,
Улицы в сиреновом тумане.
Солнца медь на небе, посмотри,
Утро начищает облаками.

1979

* * *

На первый путь
Прибудет поезд,
Который мчался из далека,
Гремел колесами
На стыках
И резал ночь
Ножами фар,
На первый путь
Прибудет поезд
Из самого
Владивостока,
Где осень тоже
Разжигает
Листвы мятущийся пожар.

А поезд ход
Свой замедляет,
И я подумал,
Разве стоит
Семь дней
Трястись
В пустом вагоне,
Бежать неведомо куда,
Чтоб здесь опять
Увидеть осень,

Как дождь асфальт
Усердно моет,
Как листья,
Будто бы за ветви,
Цепляются за провода.

1979

* * *

Ни по чьей вине
Сам в себе пропал.
Ты писала мне —
Писем не читал.

Тени ни стене
От крутых перил.
Ты звонила мне —
Я не подходил.

Стал я слеп и глух
В суматошный век.
Тополиный пух
Словно первый снег.

1980

РОМАНС

Не мог уснуть. И десять раз
До ста считал уже.
В дождливый час,
В полночный час
Тревожно на душе.

И я не знаю — что к чему,
Не знаю, что со мной.
Наверно, дождь виной всему,
Да, он всему виной.

Вот дождь по крышам прошуршал,
Порывом ветра смят,
Вот осторожно пробежал
Через озябший сад...

Ночные улицы тихи,
И за окном темно.
Пусть смоем дождь мои грехи
С твоими заодно.

1982

* * *

Иней на ветках пустых серебрится,
Листья еще в октябре облетели,
Солнечный свет осторожно струится,
Путаясь в иглах заснеженной ели.

Солнечный лучик испуганной птицей
Робко летит от березы к березе,
Словно на месте замерзнуть боится,
Желтым комочком застыть на морозе.

1980

* * *

Стучит колесами вагон,
Такое ощущение,
Как будто говорит мне он.
«Наскоро возвращение».

Состав по рельсам мчит на Юг,
Сосед мой улыбается,
Под этот развеселый стук
Домой он возвращается.

1979

БАЛЛАДА БУКСИРУ

Капитан буксира «Смелый»
Встанет поутру чуть свет,
В кухне зажигает свет,
Варит кофе неумело.
Трубку выкурит устало,
Выбьет пепел где попало,
Выйдет. Улица темна.
От него ушла жена,
Не сказав ему ни слова,
Говорят, нашла другого.

Он обижен на весь мир.
Капитана ждет буксир.
Капитана ждет команда,
Капитан, иди, командуй,
Капитан идет.
Молча он поднялся в рубку,
Закурил привычно трубку
И чего-то ждет...

На душе его дождливо,
Одинок, сиротливо,
Некому помочь.
Встанет мрачный у штурвала.
Рулевому дела мало,

Гонит мысли прочь.
Или, может, со старпомом
На двоих — полбанки рома,
Вроде свой мужик...
Иль поплакать втихомолку?
Да и то не будет толку,
Вроде не привык...

Заурчит машиной «Смелый»,
Задымит своей трубой.
— Сколько лет ходил с тобой!
Что случилось, в самом деле?
Что же делать — разлюбила...
Что же делать — позабыла,
Разные пути,
Нам пора заняться делом... —
Пробурчал сердито «Смелый».
Что ж, пора идти...

Ты смотри, какой туман!
Подтянитесь, капитан.
Столько лет с тобой вдвоем,
Ничего, переживем...

1982

* * *

Говорите, пожалуйста, тише —
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь за крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Как мучительно долго светает,
Но прозрачней становится мгла,
И, уже задымив, угасают
Фонари от угла до угла.

Розовеют покатые крыши,
Вот заплачу от счастья сейчас... —
Говорите, пожалуйста, тише,
Все равно я не слушаю вас.

1981

* * *

Забиться сном тяжелым на рассвете.
Очнуться вдруг
И с горечью понять,
Что ничего нет вечного на свете,
Что все пройдет
И жали не унять
За все, что было,
Да прошло напрасно,
За все что быть могло,
Да не сбылось...
Светаёт осторожно,
И неясно,
Какого черта ночью не спалось...
Над крышами
Болезненно и бледно
Мерцает
Одинокая заря...
В душе твоей
Не канет день бесследно,
Пусть даже если
Был он прожит зря...

1981

ИЗ КНИГИ

«НОЯБРЬСКАЯ

РЕКА»

* * *

Ты расстроился — зима.
Неожиданно и скоро.
Снежных хлопьев кутерьма
В красный фарах светофора.

Но, однако, посмотри —
Тополя не пожелтели,
Ярко светят фонари,
Хоть совсем обледенели.

Мало ли, что выпал снег.
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег.
Посмотри в лицо надежде.

1980

* * *

В. Наумову

За окном — все крыши, крыши, крыши,
А вдали — горит в закате сад.
Слышишь этот шорох тихий, слышишь?
Это листья желтые летят.

Пролетают мимо, мимо, мимо,
Как листки моих календарей,
И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей.

Что мне это лето, лето, лето,
Скоро ляжет мягко первый снег.
Жизнь, не мною начатая где-то,
Продолжает свой прекрасный бег.

1980

ИЗ КНИГИ
«НОЯБРЬСКАЯ
РЕКА»

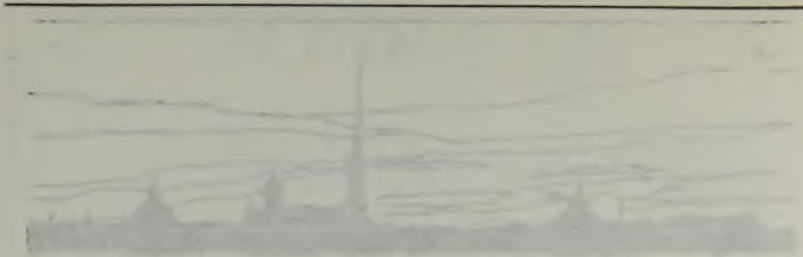

* * *

Мой стих уныл, как зимняя дорога.
Спокоен, как ноябрьская река,
Где остывают воды понемногу,
Где пленка льда туманится слегка,
И птиц уже давно не слышны крики,
Во всем полночном мире — ни души,
Луна мерцает. Тускло дрогнут блики,
И зазвенят ночные камыши,
И если время есть остановиться —
Остановись, и ты увидишь сам,
Как над землей прозрачный свет струится,
Возносится к высоким небесам.

1990

* * *

Как много слов мы говорим подчас,
И думают при этом все едва ли,
Что не расслышав вещей Божий Глас,
Мы Бога в русском Слове потеряли.

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, кое-что известно.

1991

В ХРАМЕ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА

Все спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, сгоряча.
В храме Федора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Герклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает,
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на мир взирает
Непреклонный, седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним Миром теряю связь.

Что нам время и что законы?
Если все мирозданья — миг.
Но мерцает с тусклой иконы
Просветленный, священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как не рвись, торжествуя и мучась,
В мир — от паперти до луны,
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо вплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученье огней дрожащих
И замерзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Тускло в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят,

Все на свете — смешно и тленно.
Только все же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает не спеша.

1990

* * *

Да, мы запомним это лето.
Сосновый лес. Причал. Река.
Июльским солнцем разогреты,
Плывут лениво облака.

Качнулась лодка у причала,
Скользнуло по воде весло.
Нам больше не начать с начала —
Печаль волною унесло...

И станет легкою утрата.
И словно не было утрат.
И ты ни в чем не виновата.
И я ни в чем не виноват.

1992

* * *

Над Храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А нынче — цветы иван-чая
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью Святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

А с храма Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
А в поле, забывшем о хлебе,
Колосья бетонных столбов...

Застыну, обиды не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.
О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасемся ли только любовью?
Отверзнутся ль нам небеса?
Россия, умытая кровью,
Еще не открыла глаза.

1991

И вот опять — долой, долой!
И снова — мелочные склоки.
Кому, скажи, о Боже мой,
Нужны истории уроки?

Февраль. И оттепель опять.
И площадь щерится брусчаткой,
Как будто вновь эпоха вспять
Бредет во мгле походкой шаткой.

1992

* * *

Места для боли в душе не осталось,
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Солнце светило. А нынче — не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит,
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

06.1993

ОТЪЕЗД

Я уеду из этой страны.
Будет мне тяжело и тоскливо,
И крыло серебристым отливом
Рассечет облака тишины...

Не подвластен истории ход.
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.

Непреложный закон Бытия.
Нет прощения недругу, другу...
Не минует нас чаша сия
По второму и третьему кругу.

И уже не возвысится Храм,
И разверзнется бездна над нами,
И пойдет генерал по снегам
С гимназистами и юнкерами.

Время будет повернуто вспять.
Озарит нас пожараще смуты.
И начнут все благие считать
Не спеша роковые минуты.

Содрогнется полуночный мир.
И очнутся прозревшие люди.
Но для всех, приглашенных на пир,
Милосердной пощады не будет.

Я подумал о доли своей,
Как тяжелые чаши сдвигались,
На дрожащей ладони моей
Три тяжелые капли остались.

Солнце высушит их, и тогда
Станет мне и легко, и тоскливо...
Там внизу, потускнеет вода,
Тень крыла заскользит над заливом,

Затуманится неба излом,
И растает игла за крылом.

1991

* * *

Кажется, что жизнь сошла на «нет»,
И уже не надо ни черта.
Нынче нет ни писем, ни газет.
Только телефонные счета.

Раз контора пишет, значит мне
Рано обижаться на судьбу.
Знают про меня в родной стране
И достанут, видимо, в гробу.

Каждая душа наперечет.
Каждый человек подвластен им.
А Антихрист после наречет
Тех, кто выжил именем своим.

1994

* * *

Не дай-то Бог случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воет до утра.

Когда закружит вьюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена.
Когда уже дорога
Совсем заметена.

Когда луна сурова.
Когда глухая ночь.
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

1993

* * *

Когда-то Солнце было Богом.
Теперь и Бог ничто для нас,
Хоть равнодушно на Природу
Еще взираем мы подчас.

За поколеньем поколенье
Теряет связь с родной землей.
Что ждет нас? Гибель ли, спасенье,
Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле,
В последний путь иду, спеша...
Но ищет, ищет ветра в поле
Моя бессмертная душа.

1994

Вот ты сидишь — бьешь глазами
Пустоту, как будто — бьешь
Вот ты сидишь и ждешь удивления
Последнее твоё слово.

* * *

Надежда умерла.
А мы живем.
Ни Родины. Ни памяти, ни песни.
А ты твердишь, что стало интересней,
Что жизнь идет как будто на подъем...

Россия вся в витринах и витринках.
Все в розницу — свобода, совесть, честь.
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

1994

В. Филиппову

Ты говоришь мне — будь спокоен.
Паденья, взлеты — суета.
Всяк смертный в жизни удостоен
Посильной тяжести креста.

На память выучив уроки,
Постигнув мудрость вечных книг,
Судьбой отмеренные сроки
Продлить не сможешь и на миг.

Извечный спор веди о главном,
Но прав не будешь никогда.
Смотри, как лист кружится плавно,
Как сонно плещется вода,

Как не спеша, несуетливо
Покрыла мир ночная мгла,
Как величаво, горделиво
Подперли небо купола,

Как лунный свет скользит по крышам,
Как дождь долбит унылый стих,
Как замолкает — тише, тише —
Дыханье улиц городских...

Ты говоришь мне — будь спокоен.
А я спокоен, как всегда,
Над вечным северным покоем
Мерцает синяя звезда.

1994

* * *

За часом час — и день проходит.
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит,
Луна тускнеет. Меркнут звезды.

Нам всем отмерено два срока.
Не снизойти с небес на землю.
Без сожаленья и упрека
Любую участь я приемлю.

Что предстоит — наверно знаю,
Надежда — вот мое сомненье
Траве беспамятства внимаю,
Заворожен ее движеньем,

Луна тускнеет. Меркнут звезды.
За часом час — и жизнь проходит,
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит.

1994

Передумал. Переболел.
И уже не томится душа.
Парк Победы гол, чернотел,
По листве иду не спеша.

Неизбежна зима, как смерть.
Небосвод первозданно чист.
Буду молча стоять, смотреть,
Как кружится последний лист...

А не так ли теперь и мы —
То взметнувшись, то падая вниз,
Перед ликом мертвой зимы
С упоением пронеслись?

Осень кончилась. Кончен век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.

1993

ВОКЗАЛ

Ночное небо отразилось в лужах.
В дожде сверкают ярко провода.
Гудит вокзал, на сквозняках простужен,
В дорогу отправляя поезда.

Встречай, Самара, Киев и столица,
Друзей, гостей, домой спешащих вновь.
Ищи знакомых радостные лица,
Все рядом здесь — разлука и любовь.

Все вперемешку — радость и тревога,
Все вперемешку — звезды и луна.
Отсюда начинается дорога,
Но здесь же и кончается она.

Горит неон дрожащим, тусклым светом,
Мерцает в небе тусклая звезда.
Пора согласно купленным билетам
Занять свои последние места.

1994

ЖИЗНЬ

Наш пароход вперед плывет
К заветной цели.
То полный ход, то задний ход —
Шторма да мели.

Все оставляем на потом
И ждем, что вскоре...
А жизнь осталась за бортом,
Как море.

1994

СОДЕРЖАНИЕ

из книги «Петербургская вьюга» (1982—1991)

Часть первая

СНЕГ И ПЕПЕЛ

«Нашей памяти долгий свет...»	5
«Позабывтый погост...»	6
Китеж-град	7
Забывтая фотография	9
«На Родине — как на вокзале...»	10
Пожар в лесу	11
На выставке русского портрета	13
Суворов	15
Ф. Раскольников в Париже	17
Встреча	19
В Донском монастыре, у надгробия Сумарокову	21
Бабые лето	23
«Сказал пророк: «Жить не по лжи...»	25
«Остывает родная земля...»	26
«Осенью поеду на охоту...»	28
После охоты	30
Раздумья в степи	32
«В покинутом доме распахнуты двери...»	34
Дорога через кладбище	35
Смута	36
На прощальном банкете	37
«Дымится мгла морозного тумана...»	38
«Время пришло собирать камни...»	39
«Посев взойдет на вспаханной земле...»	40

«Если б Иуда не сторговался...»	41
«Отара послушно бредет за своим пастухом...»	42
«Я искал взаимности у леса...»	43

Часть вторая

МЕРЦАЮЩИЕ КУПОЛА

«Как сговорившись, окна гаснут...»	44
Памятник Петру	46
Мойка, 18	47
Исаакиевский собор	48
Дом, где жил Тютчев	49
Данзас	50
Бестужев-Марлинский	51
Таврический сад	54
«Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский...»	56
В царскосельском саду	58
Ночью в гостях	59
«Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей...»	61
«Сошла с небес полночная звезда...»	63
«Хотел со всеми жить в ладу...»	64
«Не витийствуй, не пророчь...»	65
«Трамвай летит над гулкими мостами...»	67
«Развели над Невою мосты...»	68
«Страдай, страдай, душа моя...»	69
«Осенью похолодало...»	70
«Уезжаю не навсегда...»	71
«Прощаясь наспех, навсегда...»	72
«Наступила пора прощаний...»	73
«Ты ждал наступленья зимы...»	74
«За окном — ноябрьский дождь и ночь...»	75
Зима	76
Снегопад	78
«Птицы возвращаются домой...»	79
«Как хорошо, что я один...»	81
«Встанешь утром рано...»	82
Встреча	83
«С годами начинаешь гордиться тем...»	84
Сожаление	85

«Мне говорят, что я слишком рационален...»	86
«Наши мечты и надежды...»	87
«Опять кого-то воскрешают...»	88
«А мертвым, знаешь, все равно...»	89
«Дай Бог тебе умных врагов...»	90
«А все-таки спешу, спешу...»	91
«Вновь устав от жизни бестолковой...»	92
«Снова меняются роли...»	93
Лесное озеро	94
«Когда едва-едва светает...»	95
«Дрожащие тени ложатся...»	96
«Сухая и теплая осень...»	97
«Миновала пора листопада...»	98
«Птицы стремятся к теплу...»	99
«Привычный путь до отчего порога...»	100

из книги «География души» (1982—1989)

Кадры кинохроники	103
«Осень. Золото каплет с листа...»	104
Перед рассветом	105
Камни	107
Последняя версия о победе Наполеона с о. Св. Елены	108
«Крадучись вползает в дом беда...»	110
Баллада о старой лестнице	111
Цирк моего детства	113
Баллада о старой пластинке	115
Баллада о хозяйственной сетке	116
Баллада о скрипке	117
«Поэт воспитан был войной...»	118
«Был ли Фет евреем или немцем...»	120
В больнице	121
Взгляд	123
«Ночью в город приходит весна...»	124
«Растаяли давно...»	126
«Хотелось любви и тепла...»	127
«Есть нечто меньше, чем любовь...»	129
«В ночь перед Рождеством...»	130

из цикла «Готический август»	131
Письмо	133
Саксофон	134
«Сентябрь. Дождь. Мерцание залива...»	135
«Над Ригой притихшей осенние дуют ветра...»	137
«В тот день я из Риги домой уезжал...»	139
«Остынет стакан...»	141
из цикла «Пражские колокола»	143
В соборе Св. Вита	144
«Что мне запомнилось в Праге...»	145
Тургенев на водах	146
из цикла «Звезда Апшерона»	147
«Та женщина жила неподалеку...»	148
Сухое дерево (притча)	149
Дорога	150
«Посмотришь вниз с крутой вершины...»	151
После засухи	152
«После ливней зеленеют склоны...»	152
«Туман лежит на дне долины...»	152
«Имея пять рублей, могу...»	154
Индийское кино	154

Переводы

А. Глобус. Бык	157
А. Глобус. Дорога	158
В. Степан. Брату	159
К. Кошев. Лебеди мои...	160
О. Воронова. Осень	163

из книги «Неоновое небо» (1979—1982)

«И споры продолжаются...»	167
Вечер воспоминаний	168
«Мы помним тех, кого забыть должны...»	169
«Деревья седеют, как люди...»	170
Последние и первые	171
«А знаешь что, Сережа...»	172
Неядовитая змея	173
«Три друга было у меня...»	174

«Внешних признаков волнения...»	175
Оптимист	176
Вдохновение	177
«Ни на кого не обижаясь...»	178
«Привели к нам в класс мальчишку...»	179
«Вода в Неве — чернее сажи...»	180
«То ли ранняя весна...»	181
«Потянуло холодком...»	182
«Заголублили льдины...»	183
Утро	184
«На первый путь.»	185
«Ни по чьей вине...»	187
Романс	188
«Иней на ветках пустых серебрится...»	189
«Стучит колесами вагон...»	190
Баллада буксиру	191
«Говорите, пожалуйста, тише...»	193
«Забиться сном тяжелым на рассвете...»	194
«Ты расстроился — зима...»	195
«За окном — все крыши, крыши, крыши...»	196

из книги «Ноябрьская река» (1990—1994)

«Мой стих уныл, как зимняя дорога...»	199
«Как много слов мы говорим подчас...»	200
В Храме Федора Стратилата	201
«Да, мы запомним это лето...»	203
«Над Храмом Бориса и Глеба...»	204
«И вот опять — долой, долой!...»	206
«Места для боли в душе не осталось...»	207
Отъезд	208
«Кажется, что жизнь сошла на «нет»	210
«Не дай-то Бог случиться...»	211
«Когда-то Солнце было Богом...»	212
«Надежда умерла...»	213
«Ты говоришь мне — будь спокоен...»	214
«За часом час — и день проходит...»	215
«Передумал. Переболел...»	216
Вокзал	217
Жизнь	218.

*Дмитрий Александрович
Мизгулин*

«ЗИМНЯЯ ДОРОГА»

Сборник стихотворений

Технический редактор **Е. Ф. Шараева**
Корректор **Н. В. Рогушина**
Художники: **В. Гусаков, С. Степанский**
Компьютерная верстка **М. Кузнецова**

Лицензия ЛР № 071004.

Подписано к печати 12.02.95. Формат 70×100^{1/32}.
Гарнитура Балтика. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,2.
Тираж 1000 экз. Заказ № 912.

АОЗТ «Текс» 195298 Санкт-Петербург,
Индустриальный пр., 38/1.

Великолукская городская типография
Упринформпечати Псковской области,
182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

4 11522004
Окружная библиотека

